

УДК: 316.304

Тахмина МАМАДАЛИЕВА,

Преподаватель кафедры социальных наук, ТГТУ, Ташкент, Узбекистан

R-mail:mishel.96@bk.ru

Рецензент: д.ф.н., профессор Ж.Маткаримова

JAMOATCHILIK FIKRI VA XULQ-ATVORINI MANIPULYATSIYA QILISHNING MA'NAVY-SIYOSIY TEKNOLOGIYALARI

Annotsatsiya

Bugun ta'sirning markazida texnik kanallar emas, balki g'oyalar, ramzlar, identiklik va narrativlar orqali uzatiladigan qadriy-ma'no turadi. Mu maqola "ma'naviy-siyosiy texnologiyalar"ni siyosiy aktorlar tomonidan ommaviy ongga qadriy-ma'noviy ta'sir ko'rsatib, e'tiqod va xulq-atvor modellarini shakllantirishga xizmat qiluvchi usullar majmui sifatida ta'riflaydi.

Kalit so'zlar: raqamli muhit, manipulyatsiya, siyosiy kommunikatsiya, ma'naviy-siyosiy texnologiyalar, qadriyat, identiklik, narrativ.

ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ И ПОВЕДЕНИЕМ

Аннотация

Сегодня ключевым становится не столько технический канал, сколько содержание коммуникации — идеи, символы, идентичности и нарративы, через которые формируются массовые убеждения и модели поведения. В статье «духовно-политические технологии» определяются как совокупность методов ценностно-смыслового воздействия, применяемых политическими акторами для конструирования общественных установок и поведенческих стратегий.

Ключевые слова: цифровая среда, манипулирование, политическая коммуникация, духовно-политические технологии, ценности, идентичность, нарратив, символы.

SPIRITUAL AND POLITICAL TECHNOLOGIES FOR MANIPULATING PUBLIC OPINION AND BEHAVIOR

Abstract

Rather than focusing on technical channels, influence increasingly operates through ideas, symbols, identities, and narratives. This article defines "spiritual-political technologies" as a set of methods by which political actors exert value-semantic influence on mass consciousness to form specific beliefs and behavioral patterns.

Keywords: digital environment, manipulation, political communication, spiritual-political technologies, values, identity, narrative.

Развитие цифровой среды резко усилило роль содержательного, духовно-политического слоя в процессах манипулирования общественным мнением. Если ранее акцент делался на технических аспектах (инструментах агитации, кампаниях, цифровых каналах), то теперь на первый план выходит ценностно-смысловое наполнение этих коммуникаций – то есть идеи, символы, идентичности и нарративы, через которые формируются массовые убеждения и модели поведения. Данный параграф посвящён системному раскрытию именно этих духовно-политических технологий – механизмов смыслового воздействия, с помощью которых политические акторы влияют на сознание общества посредством ценностных ориентиров.

Прежде чем углубляться в анализ, необходимо четко определить, что понимается под «духовно-политическими технологиями» и смежными категориями в контексте данного исследования. Под этим термином мы будем понимать совокупность методов и приёмов ценностно-смыслового влияния на массовое сознание, используемых политическими акторами для формирования определённых общественных убеждений, идентичностей и моделей поведения. Речь идёт не о технических инструментах (как, например, интернет-технологии или рекламные кампании сами по себе), а именно о содержательных механизмах смыслопроизводства – то

есть о том, какие смыслы и ценности транслируются и как они «встраиваются» в восприятие общества.

Иными словами, духовно-политические технологии – это механизмы смыслового управления общественным мнением и поведением через особые формы коммуникации, апеллирующие к ценностям, символам, коллективным идентичностям, исторической памяти, моральным нормам и другим нематериальным ориентирам. Такая трактовка во многом совпадает с понятием символической политики в широком смысле на политическом поле(21). Впервые термин «символическая политика» появился в политологии во второй половине XX века (работы М. Эдельмана, У. Сарцинелли и др.), обозначая особый род политической коммуникации, ориентированной не столько на рациональное убеждение, сколько на внушение устойчивых смыслов посредством символических действий и образов(22). Как отмечает О.Ю. Малинова, символическая политика – это «деятельность политических акторов, направленная на производство и навязывание определённых способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»(4). Проще говоря, власть посредством символов, риторики, ритуалов и нарративов задаёт обществу определённую интерпретацию действительности, стремясь сделать её общепринятой (например, интерпретацию текущих событий как логичных

и позитивных, оппозиции – как хаоса, прошлого – как героического и т.д.).

Следует разграничить понятие духовно-политических технологий от смежных терминов. Агитация и пропаганда: традиционные формы влияния (массовые кампании, призывы, лозунги) – скорее относятся к формальным инструментам (или каналам) политической коммуникации. Духовно-политические же технологии – это не внешний формат обращения, а содержательная сторона. Пропагандистская кампания может использовать духовно-политические технологии (например, эксплуатировать ценности патриотизма или миф о «золотом веке»), но сами по себе духовно-политические технологии шире, они могут проявляться и вне кампаний – в повседневной публичной риторике, символических жестах лидеров, культурной политике государства и пр. Иными словами, агитация – это форма, а духовно-политическое воздействие – содержание(1).

Под цифровыми технологиями подразумевались каналы и среды (социальные сети, мессенджеры, алгоритмы и др.), которые создают новые условия и инструменты коммуникации. Однако, цифровая коммуникация лишь транслирует определённые послания. Чем наполнены эти послания? – вот вопрос, на который отвечают духовно-политические технологии. Например, интернет-мем или вирусное видео – это технологически явление цифровой среды, но его содержательный эффект зависит от заложенного в нём символа или нарратива (шутка, символический образ, моральный посыл и т.д.). Не следует путать канал (цифровой) и сообщение (духовно-политическое). В нашем анализе мы акцентируем внимание на контенте, который циркулирует по каналам(4).

Немаловажное значение имеют факторы среды, т.е. условия, влияющие на эффективность манипуляций. В отличие от этого, духовно-политические технологии – это активные механизмы, с помощью которых вкладываются смыслы. Например, фактором может быть низкий уровень медийной грамотности аудитории, а духовно-политической технологией – создание врага через демонизирующий нарратив(4).

Почему рассмотрение духовно-политических технологий особенно важно? Дело в том, что анализ политической культуры традиционно уделяет внимание ценностям, символам, коллективной памяти и идентичностям общества – т.е. всему духовному контенту политики. Идеология как система взглядов и ценностей тоже формируется через соответствующие технологии навязывания или внедрения этих взглядов. Фактически, духовно-политические технологии можно назвать «идеолого-ценностным ядром» публичной политики. Посредством них политики конструируют разделяемые представления о должном общественном устройстве, исторических целях, «наших» и «чужих». Это прямая зона стыка с проблематикой политической культуры, т.к. последняя отражает усвоенные обществом ценности и символы.

Чтобы придать исследованию научную глубину, необходимо обратиться к основным теоретическим подходам, объясняющим работу духовно-политических (ценностно-смысловых) механизмов. В политологии и смежных науках можно выделить несколько взаимодополняющих перспектив, каждая из которых вскрывает свой аспект манипуляции общественным сознанием через ценности и смыслы. Компактно рассмотрим четыре подхода, лежащих в основе анализа: символическая политика и легитимация, нарративный

подход, политика идентичности, морально-нормативное (ценностное) рамкирование. Каждый из них отвечает на вопрос «как именно ценностно-смысловое воздействие влияет на общество» и чем полезен нашему исследованию.

Символическая политика и легитимация. Теория символической политики, основанная на работах Мюррея Эдельмана, Пьера Бурдьё, О. Малиновой и др., утверждает, что символы являются мощнейшим ресурсом власти. По М. Эдельману, политика во многом есть «символическое действие», призванное вызвать эмоциональный отклик масс – будь то энтузиазм или спокойствие (отсюда название одной из его книг: “Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence”, 1971)(1). Властные элиты, по У. Сардинелли, выступают главными субъектами символической политики, а символы, ритуалы, имиджи лидеров – их инструменты(3). Легитимация власти достигается не только реальными успехами, но и умелым инсценированием легитимации: парады, церемонии, обращения и лозунги создают у общества ощущение, что порядок вещей обоснован и должен приниматься. Бурдьё вводит понятие символической власти, называя её «квазимагической», способной «через произнесение устанавливать данность, заставляя людей видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействовать на мир»(20). Это значит, что когда лидер говорит с трибуны, украшенной государственным гербом, или совершает обряд (например, возложение венка к вечному огню), – он не просто общается, а создаёт новую реальность в сознании людей. Символы работают на подсознательном эмоциональном уровне: флаг, гимн, герб мгновенно вызывают чувство принадлежности и лояльности; визуальный образ «сильного лидера» на фоне национальных символов усиливает доверие. Теоретики отмечают, что символическая политика имеет двойкий облик: конструктивный – когда действительно укрепляет ценности, интегрирует общество (как отмечал В.М. Капицын, поддержка «символов-добродетелей» способствует целостности государства(5)) – и имитационный, когда подменяет реальные действия пустыми жестами. Для нас вывод следующий: символическая политика объясняет, как власть манипулирует общественным мнением, создавая чувственно убедительные образы вместо рациональных аргументов. Этот подход полезен тем, что подчёркивает роль эмоциональных привязок (флаг = Родина, лидер = отец народа и т.п.) и раскрывает механизмы легитимации через символ. При анализе наших технологий мы будем видеть, что почти все они так или иначе опираются на символизацию.

Наряду с отдельными символами, огромное значение имеют связанные повествования – политические нарративы. Это концепция, идущая от исследований мифов и идеологий (работы Р. Барта, К. Мангейма(19)) и развивающаяся ныне в рамках т. н. стратегических нарративов в политике и международных отношениях. Суть подхода: люди воспринимают реальность через истории. Власть, желая направить общественное мнение, рассказывает определённую Историю – общее объяснение «что происходит, почему и что будет дальше». Идеологический нарратив включает: описание прошлого (например, «тяжёлые испытания, через которые прошёл народ»), образ настоящего (например, «реформы ради развития») и образ желаемого будущего (например, «Справедливое общество благоденствия к 2030 году»). Этот образ будущего становится ценностным ориентиром: ради него людям предлагается терпеть лишения, поддерживать власть, верить в курс развития.

Третий подход фокусируется на том, как формируется коллективная идентичность и как это влияет на политику. Он получил развитие в работах по нациям (Б. Андерсон «Воображаемые сообщества»), по мультикультурности и конфликтах идентичности (С. Хантингтон, Э. Геллнер и др.), а также непосредственно в отечественной науке (О. Малинова изучала символическую политику и конструирование макрополитической идентичности). Любая власть стремится определить границы сообщества, которым она правит – ответить на вопрос «кто мы как политическое единство». Это может быть национальная идентичность (например, «мы – узбекистанцы, граждане нового Узбекистана»), религиозная, гражданская, этническая или иная. Формируя идентичность, власть апеллирует к общим символам (флаг, герои), истории («наши предки»), культурным кодам (традиции, язык) и одновременно может очерчивать образ «Другого» – тех, кто не входит в наше «мы» (например, другие нации, оппозиция, «прошлый режим»). Идентичностная политика имеет две стороны: интеграция (создание солидарности, общности интересов, патриотизма – это конструктивный аспект) и дифференциация (отделение «чужих», что легко приводит к конфликтной риторике – деструктивный аспект)(18). В современной политической манипуляции нередко эксплуатируются идентичностные маркеры – от этнических (националистическая риторика) до идеологических («мы – сторонники прогресса, а они – ретрограды»). Для нашего параграфа этот подход полезен тем, что конкретизирует социально-психологический механизм: человек, идентифицируя себя с группой и

усваивая её ценности, становится восприимчивым к любым месседжам, которые подтверждают/защищают его идентичность.

Четвёртый теоретический блок связан с концепцией фреймов (рамок) в политической риторике (Э. Гоффман, М. Минто, Дж. Лакофф в аспекте моральных рамок) и с коммуникативистикой(13). Суть: как сказано, так и воспринято. Политические акторы определённым образом обрамляют информацию, акцентируя одни ценности и скрывая другие – тем самым направляя моральную оценку. Джордж Лакофф в работе «Моральная политика» (2002) показал, что консерваторы и либералы опираются на разные метафорические рамки (- семей строгости vs заботы), предлагая разное толкование «правильного»(14). В более общем плане, морально-нормативное рамкирование – это декларация, что хорошо и что плохо в общественно-политическом дискурсе. Например, понятие «реформы» можно “перетолковать” через разные рамки: одни назовут их «необходимым оздоровлением экономики (добро), другие – «антинародным экспериментом» (зло).

Национальный контекст Узбекистана подтверждает значимость рассмотренных технологий, демонстрируя и их пользу для сплочения и развития, и потенциальные риски, если они применяются небрежно или корыстно. Благодаря проводимым реформам, есть тенденция к тому, что конструктивное влияние преобладает (по крайней мере, декларируется стремление к этому), но многое зависит от соблюдения упомянутых ограничителей и от мудрости руководства в учёте общественных настроений.

АДАБИЁТЛАР

1. Edelman, M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964.
2. Edelman, M. *Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence*. Chicago: Markham Publishing, 1971.
3. Sarcinelli, U. *Politische Kommunikation in Deutschland: Medien und Politikvermittlung im demokratischen System*. Wiesbaden: VS Verlag / Springer, 2011.
4. Малинова О. Ю. *Актуальное прошлое: Символическая политика властной элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: РОССПЭН, 2015.
5. Капицын В. М. *Идейно-символьная политика и национальные интересы*. М.: ИНИОН РАН, 2011.
6. Bourdieu, P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.
7. Barthes, R. *Mythologies*. Paris: Éditions du Seuil, 1957.
8. Mannheim, K. *Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul, 1936.
9. Anderson, B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983.
10. Huntington, S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.
11. Gellner, E. *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983.
12. Goffman, E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: Harper & Row, 1974.
13. Minto, B. *The Pyramid Principle: Logic in Writing and Thinking*. Harlow: Pearson, 2009 (orig. ed. 1987).
14. Lakoff, G. *Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think* (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press, 2002.
15. Entman, R. M. *Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm*. *Journal of Communication*, 1993, 43(4), 51–58.
16. McCombs, M. E., Shaw, D. L. *The Agenda-Setting Function of Mass Media*. *Public Opinion Quarterly*, 1972, 36(2), 176–187.
17. Snow, D. A., Benford, R. D. *Ideology, Frame Resonance, and Participant Mobilization*. *International Social Movement Research*, 1988, 1, 197–217.
18. Пантин, В. И., Лапкин, В. В. «Идентичность и политика: теоретические подходы». — *Полис. Политические исследования*, № 1, 2010.
19. Барт, Р. *Мифологии*. — М.: Академический проект, 2008.
20. Бурдьё, П. *Социология политики*. — М.: Socio-Logos, 1993
21. Султанов, Б. «Символическая политика и механизмы легитимации в странах Центральной Азии». — *Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан (ИСМИ)*, 2020
22. Эдельман, М. *Символическое использование политики*. — М.: Издательство МГУ, 2001.